

А.Г. ДРУЖИНИН

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Формирование стратегии пространственного развития России предполагает полноформатный учет «тектонических сдвигов» в современном мироустройстве и связанных с ними геополитических ориентиров и вызовов. Цель статьи – инвентаризировать разноаспектные проявления учета геополитического фактора в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», а также в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года», высветить сохраняющиеся проблемные области в отечественном стратегировании пространственного развития, а также перспективные направления его коррекции с учетом динамики глобальных изменений. Акцентирована, в частности, необходимость обеспечения сочетания доминирующих ныне централистских (общефедеральных) подходов с существенно большим учетом региональной (муниципальной) специфики, а также этногеографического фактора. Показана геополитическая целесообразность сдвига на Восток и Юг с обеспечением фактической многовекторности пространственного развития России. Обоснована необходимость смещения акцента с геостратегических территорий в пользу полимасштабного проблемно-целевого районирования, увязанного с расширением и уплотнением сети опорных населенных пунктов, идентифицируемых в т.ч. в связи с этногеографическими особенностями и геополитическими интересами страны.

Ключевые слова: пространственное развитие, геополитика, многополюсное мироустройство, геостратегические территории, опорный населенный пункт, этническая структура, демографические процессы, районирование, Россия.

JEL: J11, R12, R53, R58

* Работа выполнена в Институте географии РАН по теме ГЗ № FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы».

Постановка проблемы

Завершающийся (на декабрь 2024 г.) процесс разработки и согласования «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (далее – СПР-2030) вновь вывел на авансцену исследовательской и политической повестки феномен *российского пространства* (обширнейшего, неравномерно заселенного и фрагментарно хозяйственно освоенного, структурированного по природно-экономическим и этнокультурным характеристикам), актуализируя проблематику факторов, трендов и приоритетов его динамики и одновременно придавая новый импульс преимущественно критическому по тональности, но при этом в целом конструктивному междисциплинарному научному дискурсу в области теории и практики стратегирования пространственного развития [1–4].

Явив ответ на новые, полномасштабно проявившиеся (в особой мере с весны 2022 г.) внешние для нашей страны вызовы, СПР-2030 в концептуально-содержательном отношении стала безусловным *шагом вперед* в сопоставлении с действующей с февраля 2019 г. «Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – СПР-2025). Появление СПР-2030 ознаменовало для России и определенную в позитивном смысле рутинизацию самой процедуры стратегирования пространственного развития, его превращение в уже устоявшийся институт и, соответственно, практическую предопределенность (и необходимость!) перманентных *преактивных разработок в данной сфере*, в т.ч. в связи с геополитическими интересами, целевыми ориентирами и возможностями нашей страны.

Представления о *геополитике* (сохраняя изначальную аморфность и многозначность [5]) возрождались и культивировались в России с конца 1980-х гг. [6] параллельно переосмыслению ее места мире, существенно изменившемуся первоначально в связи с распадом СССР, а далее благодаря общему сдвигу глобального экономического и демографического потенциала в пользу совокупности народов и их государств, обозначаемых ныне в качестве «мирового большинства» [7].

В предельно широком и наиболее корректном понимании геополитика предстает как «соперничество сил над территорией» [8], и в этом повсеместном и полимасштабном соперничестве (не только межгосударственного, но и межрегионального уровня, справедливо идентифицируемого в качестве особой «внутренней геополитики» [9]) любого рода территория (с ее ресурсно-хозяйственным потенциалом, системой расселения, производственной и социальной инфраструктурой и др.) *неизменно выступает возжеланной целью, значимым ресурсом*, равно как и ареной разворачивающегося геополитического противостояния, следствием порожденных им структурных метаморфоз.

В России геополитические мотивы и резоны пространственного развития имели место весь постсоветский период, начиная со становления системы федерализма и регионального «парада суверенитетов»

начала 1990-х гг. (соответствующие процессы детально рассмотрены в [10]), а также первых попыток, развивая собственную транспортную инфраструктуру, преодолеть зависимость национальной экономики от сопредельных стран-транзитеров [11], включая государства Балтии и Украину. Проблемность, неприемлемость сохранения (и тем более нарастания) резко обозначившихся в условиях рынка и глобализации диспропорций в социально-экономическом положении российских регионов, равно как и периферизации, маргинализации и депопуляции обширнейших пространств страны, частичной утраты коммуникационной и ментальной связанности ее отдельных территорий (придающих Российской Федерации черты, идентифицируемые зарубежными экспертами как «хрупкость» [12]), особым образом стала проявляться с конца 2000-х гг. в контексте усиливающегося ее противостояния с коллективным Западом. Параллельно нарастала потребность коррекции геэкономических приоритетов и, соответственно, диверсификации каналов внешнеторговой коммуникации, что актуализировало вопросы снятия инфраструктурных ограничений, в т.ч. для вовлечения в хозяйственный оборот новых ресурсных территорий востока страны, ее Арктической зоны. Меняющееся мироустройство, сопровождаемое устойчивым ростом геополитической турбулентности, явилось, по нашему мнению, одной из глубинных причин существенной переоценки проблематики пространственного развития российской властью, структурами крупного бизнеса, позволившей (по симптоматичной оценке видного французского географа Жана Радвани) «коренным образом изменить управление российской территории, само ее восприятие» [13, с. 127].

Показательно, что подготовка и принятие базовых для последующей разработки СПР-2025 (по В.Н. Лексину – порождения «другой страны» [14]) нормативных документов¹ хронологически совпали именно с событиями «Крымской весны»². Сама же утвержденная уже в феврале 2019 г. СПР-2025 оказалась не только сфокусирована на интеграции Крыма, развитии других значимых, но высокопроблемных территорий, определенных в качестве геостратегических, но и в целом направлена на триединство геополитически актуальных для страны задач:

- 1) расширение ее производственно-экспортных возможностей (в т.ч. за счет перспективных центров экономического роста, а также соответствующей модернизации транспортно-логистической системы, ее реконфигурации);
- 2) обеспечение инфраструктурно-хозяйственных предпосылок территориальной целостности Российской Федерации;

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ и Постановление Правительства Российской Федерации № 870 от 20 августа 2015 г. «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации».

² По мнению Л.В. Смирнягина, до 2014 г. было 15 попыток разработать общегосударственный документ по региональной политике, все они провалились [15].

3) преодоление продуцирующих гео- и этнолитические риски гипертерифированных территориально-социальных различий.

Разработка СПР-2030 (конец 2023–2024 гг.) протекала в условиях еще большей, чем СПР-2025, *геополитической определенности*. Последняя, во-первых, инициировала (в особой мере в связи с СВО на Украине) пространственные сдвиги в хозяйственной сфере [16]. Во-вторых, потребовала приоритетного внимания к новым регионам, к доразвитию морехозяйственной активности страны, к переориентации ее экспортно-импортных потоков на дружественные государства. Именно благодаря дополненному геоэкономическими реалиями и резонансами фактору геополитики³ разработка СПР-2030 ознаменовала принципиально значимую концептуальную новацию. Речь идет о переходе от превалярующей ранее идеи приоритетного экономического роста в ограниченном числе крупных городских агломераций при одновременной поддержке проблемных, отстающих, периферийных регионов (к таковым относится большинство субъектов Федерации) в интегрируемом пространстве страны – *к решению общенационально значимых задач* (связанных с достижением «национальных целей развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности»⁴). Последнее же явило в этой связи не только более четкие территориально-экономические ориентиры, подверглось конкретизации и приоритизации в рамках идеологии опорных населенных пунктов, но и обрело более общие, геостратегические, геополитические мотивы. Уместно полагать, что подобное положение сохранится, окажется превалярующим и на обозримую перспективу. Это обстоятельство, задавая рамки последующим действиям в области стратегирования пространственного развития, параллельно инициирует и актуализирует спектр проблемных ситуаций и концептуальных вопросов, чье рассмотрение составляет целевой ориентир и содержательную основу данной статьи.

Какие новации в разработке «Стратегии пространственного развития России» будут актуализированы?

Воплощенное в СПР-2030 смещение акцента на общедоказательные приоритеты и отраслевые решения – это скорее *возврат к отечественной традиции*, устойчивой норме, чем какая-либо аномалия или новация.

Показательно, что еще столетие назад, осмысливая российскую ретроспективу, Н.Н. Баранский подмечал: «У нас всякая “областная само-

³ По-новому акцентировавшему в т.ч. и возобновившийся в 2019 г. тренд депопуляции, крайне чувствительный для России, более чем шестикратно ныне уступающей по плотности населения среднемировому показателю, хотя еще в 1990 г. разница была четырехкратной.

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. // Материалы парламентских слушаний «Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. М., 2024. С. 24. URL: <http://council.gov.ru/media/files/frN6yyPOYcitAg8t2IJtdzueCbWINIAX.pdf> (дата обращения: 28.10.2024).

бытность” свирепо стиралась давлением централистической политики» [17, с. 14]. О засилье «ведомственности» и ее негативных последствиях для регионального социально-экономического развития много говорилось в позднесоветский период (наиболее акцентировано — Б.С. Хоревым [18]). На присущие в т.ч. современному российскому пространству эффекты «свертывания и усечения разнообразия» обращал внимание В.Л. Каганский [19]. Геополитическая ситуация и связанная с ней фокусировка российского общества на военно-стратегических задачах лишь пролонгируют, преимущественно усиливают этот тренд. Но он же, будучи логичным, соответствующим ситуационным возможностям и текущим интересам Российской Федерации, одновременно вступает в определенный диссонанс с актуальной международной позицией нашей страны, с продвигаемой ею глобальной повесткой *перехода к многополюсному миру*.

Декларируемые руководством Российской Федерации принципы мироустройства (в системном виде изложенные, в частности, в выступлении Президента России В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г.⁵) созвучны глобальным геополитическим и геоэкономическим изменениям и в этой связи неизбежно станут воплощаться в конкретной *real politics* нашей страны, в ее взаимоотношениях в т.ч. с сопредельными постсоветскими государствами, непроизвольно масштабируясь далее (в логике любого рода инновации) непосредственно в системе российских федеративных отношений (чьи основы все еще формируются [20]), в подходах к пространственному развитию (см. табл. 1).

«Будущее России как многонационального федеративного государства обеспечивается не “клятвами верности” идеям федерализма, а созданием такой системы государственного управления и федерально-региональных взаимодействий, которая бы наглядно показывала и реализовывала преимущества федеративной природы государства» [21, с. 61]. Уместно в этой связи полагать, что уже следующая итерация стратегирования пространственного развития России (СПР-2035?) окажется сопряжена с решением архисложной задачи *эффективного сочетания централистских (общефедеральных) и регионалистских (местных) подходов*. Это, в свою очередь, потребует более полного учета мозаики и ритмики российского пространства, четкого понимания приемлемости (и необходимости) многообразия региональных и этнокультурных моделей его организации и развития, что, кстати, принципиально достижимо лишь в рамках деятельности специально созданной (предпочтительно — под эгидой РАН и ее головных профильных исследовательских институтов) межрегиональной партнерской сети научно-образовательных организаций и отдельных специалистов.

⁵ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

**Декларируемые принципы мироустройства и их гипотетическая проекция
в сфере пространственного развития России**

Особенности и принципы мироустройства	Проекция принципов мироустройства на пространственное развитие России
Многообразие мира как обязательное условие его устойчивости	Акцент на сохранение (как минимум) политико-территориальной и этнокультурной структурированности и в целом сложности российского пространства, многообразия региональных и этнокультурных моделей его организации и развития
Открытость к взаимодействию, безбарьерная среда. «Россия не воспринимает западную цивилизацию как врага»	Акцент на приморских (припортовых), приграничных и трансграничных территориях, «коридорах развития» (в т.ч. на Западе России). Особая роль в пространстве России регионов с двойственной идентичностью, своего рода территорий-посредников, «регионов-шерпов» (Чечня в Исламской Умме, Татарстан и Башкортостан в Тюркском мире, Калининград в Балтийском регионе и др.).
Справедливость для всех. Неравенство – настоящий бич современного мира	Рост запроса российского общества на справедливую территориальную организацию. Дальнейшая актуализация дискурса о справедливости в пространственном развитии
Безопасность одних не может быть обеспечена за счет безопасности других	Актуализация многоаспектной безопасности (ресурсно-хозяйственной, бюджетно-финансовой, демографической, экологической, транспортно-логистической и др.) развития территорий (субъекты Федерации и их муниципальные образования). Максима: экономическое и иное благополучие одних территориальных общностей не должно обеспечиваться за счет других
Современный мир непредсказуем	Сочетание преактивных и реактивных подходов. Адаптивность структур и решений
Народы четче и яснее осознают свои интересы, свою самоценность, самобытность и идентичность, все тверже настаивают на достижении целей развития и справедливости. Любое устойчивое международное устройство может базироваться только на принципах суверенного равенства	Тренд в сторону большей федерализации (регионализации) и муниципализации российского общества, учета его местной, в т.ч. этнокультурной и этноэкономической, специфики, социокультурной ценности исторически сложившихся форм расселения и отдельных поселений как части культурного наследия, а также значимых на местном и региональном уровне природных комплексов (в т.ч. культурных ландшафтов)

Источник: составлено по выступлению Президента России В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г.

**Геополитически обусловленный сдвиг в пространственном развитии:
каковы рамки «искусства возможного»?**

Создание представительного межрегионального исследовательского консорциума в области стратегирования пространственного развития актуализировано в т.ч. необходимостью максимально возможного *учета интереса всех регионов и урбанистических центров России* в процессе балансировки и взаимоувязки важнейших векторов трансформации ее селитебной и территориально-хозяйственной структуры. Российское пространство при этом в перспективе неизбежно будет обретать черты по-

лиценричности (макрорегиональной, секторально-отраслевой и этнокультурной), которая в силу геополитических и геокультурных резонансов обязательным образом должна одновременно оставаться *иерархичной, москвоцентрированной*. Немаловажно в этой связи уйти от чрезмерной абсолютизации тех или иных сдвигов и поворотов в пространственном развитии, обеспечивая его практическую *многовекторность*.

Пространственные структуры по самой своей сути инерционны [22], а любого рода внешние обстоятельства также действуют на них не вдруг, проявляются не сразу. Возникновение геополитического разлома на западном порубежье России, стремительный рост барьерности соответствующих границ, связанные с санкциями, а также непосредственно военными действиями проблемы и риски для целого ряда приграничных территорий не означают необходимости скоропалительного, без оглядки на издержки, перемещения на восток производственной активности и тем более населения, компонентов селитебной структуры⁶.

Современные «новые войны», демонстрируя глобальный характер, отличаются «отсутствием единого фронта»⁷ [23], вмещающая в себя также усилия по разжиганию на территории противника искусственно создаваемой ситуации «управляемого хаоса». Последнюю, подчеркнем, могут продуцировать и односторонне выстроенные приоритеты в пространственном развитии, включая в т.ч. абсолютизацию значимости некой «сибиризации» России при одновременном рассмотрении концентрации основных человеческих, производственных, научных ресурсов в европейской части страны как «большого анахронизма» [24].

Развитие Сибири (в т.ч. с ориентиром на достраивание цепочек создания стоимости в направлении формирования спроса на продукты глубокой переработки внутри страны [25]), разумеется, стратегически необходимо, безальтернативно, однако должно быть (как верно подмечено [26]) в своей основе *малолюдным*, базироваться на учете природной зональности (не более 20% сибирской территории пригодно для проживания [27]) и сложившейся архитектуры опорного каркаса (в 40-километровых полосах вдоль железнодорожных линий располагается сейчас свыше 90% городского населения Сибири [28]).

Придавая дополнительный импульс социально-экономическому развитию сибирских территорий, геополитически значимо при этом *не допустить упадка иных компонентов российского пространства*.

Интересам национальной безопасности вряд ли послужит практическое выстраивание пространственного бицентризма нашей страны

⁶ По аналогии с мероприятиями времен Великой Отечественной войны, когда в восточные регионы было эвакуировано более 1 600 крупных предприятий и 18,8 млн чел., что эквивалентно 9,7% от всего демографического потенциала СССР на 1941 г. (см.: Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 299 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LwyhKZcQ/VOV_75_f.pdf).

⁷ Это, кстати, обесценивает действия по пространственному дистанцированию производственных активов и мест концентрации населения от фактических и вероятностных линий боевого соприкосновения.

(отсутствие резонанса переноса на восток столицы еще в 1915 г. подмечал В.П. Семенов-Тянь-Шанский в своей резонансной статье «О могущественном территориальном владении применительно к России» [29]), равно как и обособление (в т.ч. ментальное), вмещающее все территории к востоку от Урала, сибирского макрорегиона, охватывающего подавляющую часть (73% площади) Российской Федерации. Вопрос социально-экономического развития Сибири должен в этой связи рассматриваться в единстве с пространственным развитием всей страны в целом, ориентируемым, в свою очередь, не столько на множественные региональные либо «румбовые» (Арктика, Дальний Восток, Северный Кавказ, западное порубежье и др.) приоритеты (подчас не поддающиеся должному детализированному охвату, не обеспеченному реальной федеральной поддержкой), сколько на *повсеместно стимулируемые межрегиональные и межмуниципальные взаимодействия* в формате полимасштабных городских агломераций (от крупнейших до сельских), осей развития, идентифицируемых проблемно-целевых регионов (ареалов) и др.

Как совместить приоритизацию и территориализацию?

Успешность грядущего стратегирования пространственного развития России будет также во многом предопределяться возможностями преодоления нарастающего противоречия между необходимостью приоритизации целей, направлений, объектов федеральной политики и практическим устойчивым ростом числа территорий (расширением ареалов) с теми или иными проявлениями проблемных ситуаций и рисков, проецируемых на геополитическую сферу.

Отнесение в СПР-2025 к числу геостратегических территорий 51 субъекта Федерации (из 85) выглядело политически мотивированным, но одновременно (как ранее уже подчеркивалось [30]) *размывало пространственные приоритеты*. Предпринятая в рамках разработки СПР-2030 попытка существенно сократить перечень геостратегических территорий (сведением их совокупного числа до 29 регионов, а также ряда муниципальных образований Арктической зоны и западного приграничья (см. табл. 2) представляется в этой связи симптоматичной, но недостаточной, в корне проблему не решающей.

Полагаем, что в последующих работах по стратегированию пространственного развития от категории «геостратегическая территория» *по ряду причин имеет смысл последовательно уходить*.

Во-первых, потому что изначально неудачным, неадекватным является само наименование «геостратегические». В СПР-2025 к данному типу отнесены дистанцированные от центра, периферийные, приграничные территории, а также часть (!) т.н. «национальных регионов» [32]. Аналогичный подход воспроизведен и в СПР-2030, хотя в российской ситуации как минимум не меньшую геостратегическую значимость имеют Московская и Санкт-Петербургская агломерации (что уже констатировалось [30]), вся центральная Россия (в радиусе 500 км доступности

от столицы концентрируется 32% населения страны [33]). В текущей ситуации также сложно переоценить геостратегическую роль Татарстана, Башкортостана, Астраханской, Ростовской областей, Краснодарского края, многих других составляющих Российской Федерации (в ее пределах, как и любой иной стране, в принципе нет, не может быть территорий, лишенных геостратегической значимости). Современные представления о геостратегических территориях перекрывают в итоге лишь часть действительных территориальных приоритетов, деформируя их и, соответственно, порождая латентные геополитические риски.

Т а б л и ц а 2

**Основные параметры геостратегических территорий
Российской Федерации в СПР-2025 и СПР-2030**

Отнесены к числу геостратегических территорий	Удельный вес геостратегических территорий ^{*)} , %	
	в площади страны	в населении страны
<p align="center">СПР-2025</p> <p>I. Приоритетные геостратегические территории Российской Федерации: Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Калининградская область; субъекты Российской Федерации, расположенные на Северном Кавказе и Дальнем Востоке, субъекты и части субъектов Российской Федерации, входящие в Арктическую зону Российской Федерации.</p> <p>II. Приграничные геостратегические территории Российской Федерации: Ленинградская область, Смоленская область, Алтайский край, Астраханская область, Волгоградская область, Курганская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Самарская область, Саратовская область, Тюменская область, Челябинская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Краснодарский край, Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Ростовская область, Псковская область, Брянская область</p>	72,8	44,6
<p align="center">СПР-2030</p> <p>Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область, Калининградская область, Республика Крым и город Севастополь. Субъекты Российской Федерации, входящие в состав Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов. Субъекты и части субъектов Российской Федерации, входящие в Арктическую зону Российской Федерации. Муниципальные образования Республики Карелии, Ленинградской области, Псковской области, Курской области, Брянской области и Белгородской области, примыкающие к государственной границе Российской Федерации с государствами, отнесенными к недружественным</p>	62,2	17,1

Источник: составлено автором по: [31].

*) Без новых регионов, по ситуации на 1 января 2023 г.

Во-вторых, даже современная идентификация геостратегических территорий (ставящая пространственные ориентиры с ног на голову) игнорирует существенные особенности российского пространства, такие, например, как наличие собственно приморских муниципальных образований (а это — 155 городских округов и муниципальных районов; не все из них сейчас относимы к геостратегическим, но абсолютно все существенны для позиций России в акваториях Мирового океана).

В-третьих, имеет место и фактическая разнородность геостратегических территорий; ее недоучет снижает эффективность федеральной политики. Наконец, невозможно игнорировать реальную перспективу обособления в контуре Российской Федерации все новых и новых проблемных стратегически значимых ареалов: интенсивной депопуляции, активных этнических замещений, с интенсивным воздействием климатического фактора и др.

Уход от неправомерного противопоставления территорий геостратегических и негеостратегических при одновременной идентификации и приоритизации проблемных ареалов видится возможным в рамках дробного районирования (именно дробного, поскольку это существенно ценнее и эффективнее нарезки территории страны на макрорегионы, предпринятой в рамках СПР-2025), увязанного с формированием сети опорных населенных пунктов. Базируясь на статистике по муниципальным образованиям и их типологизации по основным параметрам географического положения и социально-экономической динамики, данное районирование призвано быть: узловым (вычленяющим фокусы социально-экономической активности со своими сферами влияния [34], исходящим из «примата ядра над границей района» [35]), преактивным и конструктивным (с ориентацией на отечественную традицию столетней давности [17; 36]), нацеленным на преобразовательные задачи на основе фиксации и приоритизации местных проблемных ситуаций, иницирующих, в свою очередь, адаптивные решения по их преодолению (проблемно-целевой подход [37]). В качестве его аналога-прототипа уместно рассматривать схему микрорайонов Е.Е. Лейзеровича, предложенную в 1970-х гг. и далее многократно корректируемую [38], в свою очередь опирающуюся на опыт районирования В.П. Семенова-Тян-Шанского, обособившего в 1911 г. 6 769 населенных пунктов с наиболее значимым в масштабе страны экономическим потенциалом («торгово-промышленным оборотом» [39]).

Достаточно ли России опорных населенных пунктов и степени их опорности?

Сердцевинная для СПР-2030 идея опорных населенных пунктов (далее — ОНП) — столь же продуктивна и значима, сколь и ситуативно вынуждена, ограничена потенциалом своего применения. Во многих отношениях это *шаг вперед с одновременным шагом назад*. Даже по оптимистичным данным Минэкономразвития, вне 2 264 населенных пунктов,

рассматриваемых в качестве опорных (сейчас в России 2 297 городских населенных пунктов и 128 406 – с сельским населением, включая 1 002 – людностью более 5 000 чел.), остается около 40 млн⁸ (27%) жителей страны.

Необходимое, как видится, *наращивание* (в идеале – удвоение) *числа ОНП* в обозримой перспективе лимитировано финансово-экономическими возможностями Российской Федерации. Сложно ожидать в этой сфере и дополнительных местных инициатив, тем более учитывая, что в числе критериев эффективности деятельности высших должностных лиц регионов теперь рассматривается «качество среды для жизни в опорных населенных пунктах»⁹. Сложившаяся ситуация диктует необходимость повышения связанности ОНП с сопредельными поселениями, расширения радиусов прилегающих к ним территорий. Реализация *комплексного подхода к развитию ОНП* связана также с целенаправленным наращиванием степени их опорности не только в рамках бюджетных инфраструктурных проектов, но и на основе поддержки (государством, корпорациями с госучастием) локализованных в ОНП предприятий и в целом их экономической базы, конструирования позитивного имиджа каждого из отнесенных к категории ОНП поселений, развития их социума, содействия его большей активности и сплоченности. Идея ОНП нуждается в этой связи в своей дальнейшей экономизации и параллельно гуманитаризации (с фокусом на менталитете местного социума, социокультурных предпосылках его миграционной активности и территориальной укорененности, особенностях экономического поведения и т.п.).

Современный контекст (в т.ч. геополитический) предполагает *при идентификации ОНП обязательный учет этнического фактора*, включая фактически сложившуюся предельно дробную (в т.ч. в пределах отдельных муниципальных образований) мозаику локализации этносов (в идеале каждому этническому микроареалу, включая и компактно проживающее русское население в пределах национальных республик, должен соответствовать конкретный ОНП).

* * *

Метаморфозы современного мироустройства инициируют все возрастающее влияние геополитики на российское общество, его территориальную организацию. Учет геополитических детерминант и ориентиров актуализирован и в такой значимой для Российской Федерации сфере, как стратегирование пространственного развития.

⁸ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. // Материалы парламентских слушаний «Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. М., 2024. С. 1–72. URL: <http://council.gov.ru/media/files/frN6yyPOYcitAg8t2IJtdzueCbWlNlAX.pdf> (дата обращения: 28.11.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003?index=6>

Приоритетным при этом видится, во-первых, достижение эффективного сочетания централистских (общефедеральных) и регионалистских (местных) подходов в последующих разработках в области стратегирования пространственного развития, включая обеспечение геополитически обусловленной интеграции российского пространства, сохранение в нем центростремительных трендов с полноформатным учетом сложной мозаики и ритмики территориальной организации российского общества, культивированием многополюсности и многовекторности пространственного развития, многообразия региональных и локальных моделей социально-экономической динамики.

Во-вторых, купирование нарастающего противоречия между необходимостью приоритизации целей, направлений, объектов федеральной политики и практическим устойчивым ростом числа территорий (расширением ареалов) с проявлениями проблемных ситуаций и рисков (демографических, этнокультурных, природно-экологических и др.), проецируемых на геополитическую сферу, что в средне- и долгосрочной перспективе потребует, в частности, ухода от обособления геостратегических территорий в пользу предельно дробного проблемно-целевого социально-экономического районирования, основывающегося в т.ч. на идентифицированной совокупности ОНП, число которых должно быть увеличено, а степень опорности (экономической и социокультурной) – существенно повышена.

Список литературы

1. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 631–643.
2. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 36–45.
3. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Сулов В.И., Сулов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 264–287.
4. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 4. С. 967–980.
5. Туровский Р.Ф. Политическая география. Москва; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
6. Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. 1993. Вып. 4. С. 36–41.
7. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5 (117). С. 6–18.
8. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique: La géopolitique, des géopolitiques // Herodote. 2012. Vol. 146–147. P. 14–44.
9. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 82–94.
10. Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М.: Институт экономики РАН, 1998. 130 с.

11. Дружинин А.Г. Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика // Балтийский регион. 2023. № 4. С. 6–23.
12. Hou S., Richard Y. Les dynamiques spatiales contemporaines de la Russie // EchoGéo. 2021. N 56. P. 1–6.
13. Radvani J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // Hérodote. 2017. N 166–167. P. 113–132.
14. Лексин В.Н. «Другая страна» и ее региональная политика // Регион: экономика и социология. 2024. № 1 (121). С. 115–149.
15. Смирнягин Л.В. Территориальные диспропорции и регулятивная функция государства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 6. С. 106–113.
16. Безруков Л.А., Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Шупер В.А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 18–40.
17. Баранский Н.Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 344 с.
18. Хорев Б.С. Экономическая децентрализация и регионализм // Известия Всесоюзного географического общества. 1990. № 2. С. 137–142.
19. Каганский В.Л. Ландшафт. Империя. Россия // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 5–15.
20. Валентей С.Д. Институциональные факторы, препятствующие развитию российского федерализма // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 5–18.
21. Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 51–76.
22. Артоболевский С.С., Бабурин В.Л., Бакланов П.Я., Касимов Н.С., Колосов В.А., Котляков В.М., Люри Д.И., Тишков А.А. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 3. С. 8–17.
23. Зарудницкий В.В. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Военная мысль. 2023. № 11. С. 6–15.
24. Караганов С.А. Размышления на пути к победе // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/na-puti-k-pobede-karaganov/> (дата обращения: 02.12.2024).
25. Крюков В.А., Крюков Я.В. Неиндустриализация – к «новой геометрии» экономических пространственных взаимодействий // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 3. С. 7–38.
26. Шупер В.А. Овладение пространством для преобразования страны // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 5–15.
27. Рященко С.В. Географические детерминанты качества жизни в Сибири // География и природные ресурсы. 2008. № 1. С. 5–9.
28. Безруков Л.А. Образ экономики Сибири: влияние географических факторов и статистических искажений // ЭКО. 2013. № 1. С. 5–22.
29. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Т. LI. Вып. VIII. С. 425–457.

30. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. «Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 4. С. 7–23.
31. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
32. Домнина И.Н. «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 126–141.
33. Дружинин А.Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.
34. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
35. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19–29.
36. Книпович Б.Н. К методологии районирования. М.: Гос. изд-во, 1921. 48 с.
37. Чистобаев А.И., Баженов Ю.Н. От проблемы – к цели: Горизонты комплексных программ. М.: Мысль, 1987. 239 с.
38. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М., 2004. 131 с.
39. Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / отв. ред. Л.А. Бабурин. М.: ЛЕНАНД, 2006. 400 с.

References

1. Bukhval'd E.M., Kol'chugina A.V. Strategiiia prostranstvennogo razvitiia i prioritety natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Spatial Development Strategy and National Security Priorities of the Russian Federation], *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2019, Vol. 15, Iss. 3, pp. 631–643. (In Russ.).
2. Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. K novoi strategii prostranstvennogo razvitiia Rossii [Towards a New Strategy for Russia's Spatial Development], *Problemy prognozirovaniia* [Problems of Forecasting], 2024, No. 4 (205), pp. 36–45. (In Russ.).
3. Kolomak E.A., Kriukov V.A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Strategiiia prostranstvennogo razvitiia Rossii: ozhidaniia i realii [Spatial Development Strategy of Russia: Expectations and Realities], *Region: ekonomika i sotsiologiia* [Region: Economics and Sociology], 2018, No. 2, pp. 264–287. (In Russ.).
4. Minakir P.A. Rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo: strategicheskie tupiki [Russian Economic Space: Strategic Dead Ends], *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2019, Vol. 15, No. 4, pp. 967–980. (In Russ.).
5. Turovskii R.F. Politicheskaiia geografiia [Political Geography]. Moscow, Smolensk, Izd-vo SGU, 1999, 381 p. (In Russ.).
6. Lavrov S.B. Geopolitika: vozrozhdenie zapretnogo napravleniia [Geopolitics: Revival of a Forbidden Direction], *Izvestiia RGO* [Izvestia of the Russian Geographical Society], 1993, Iss. 4, pp. 36–41. (In Russ.).
7. Karaganov S.A. Ot ne-Zapada k Mirovomu bol'shinstvu [From the Non-West to the World Majority], *Rossiiia v global'noi politike* [Russia in Global Politics], 2022, Vol. 20, No. 5 (117), pp. 6–18. (In Russ.).
8. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique: La géopolitique, des géopolitiques, *Herodote*, 2012, Vol. 146–147, pp. 14–44.

9. Il'in M.V. Etapy stanovleniia vnutrennei geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of Formation of Internal Geopolitics of Russia and Ukraine], *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 1998, No. 3, pp. 82–94. (In Russ.).

10. Valentei S.D. Federalizm: rossiiskaia istoriia i rossiiskaia real'nost' [Federalism: Russian History and Russian Reality]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 1998, 130 p. (In Russ.).

11. Druzhinin A.G. Geopoliticheskaia obuslovlennost' vozdeistviia "faktora moria" na prostranstvennoe razvitie postsovetsoi Rossii: baltiiskaia spetsifika [Geopolitical Determinacy of the Impact of the "Sea Factor" on the Spatial Development of Post-Soviet Russia: Baltic Specifics], *Baltiiskii region* [Baltic Region], 2023, No. 4, pp. 6–23. (In Russ.).

12. Hou S., Richard Y. Les dynamiques spatiales contemporaines de la Russie, *EchoGéo*, 2021, No. 56, pp. 1–6.

13. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe..., *Hérodote*, 2017, No. 166–167, pp. 113–132.

14. Leksin V.N. "Drugaiia strana" i ee regional'naia politika ["Another Country" and Its Regional Policy], *Region: ekonomika i sotsiologiia* [Region: Economics and Sociology], 2024, No. 1 (121), pp. 115–149. (In Russ.).

15. Smirniagin L.V. Territorial'nye disproportsii i reguliativnaia funktsiia gosudarstva [Territorial Disproportions and the Regulatory Function of the State], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2016, Vol. 60, No. 6, pp. 106–113. (In Russ.).

16. Bezrukov L.A., Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V., Shuper V.A. Prostranstvennoe razvitie Rossii v kontekste formirovaniia Bol'shoi Evrazii: faktory, vektory, priorityty [Spatial Development of Russia in the Context of the Formation of Greater Eurasia: Factors, Vectors, Priorities], *Baltiiskii region* [Baltic Region], 2024, Vol. 16, No. 2, pp. 18–40. (In Russ.).

17. Baranskii N.N. Ekonomicheskaiia geografiia SSSR. Obzor po oblastiam Gosplana [Economic Geography of the USSR. Review by Gosplan Regions]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927, 344 p. (In Russ.).

18. Khorev B.S. Ekonomicheskaiia detsentralizatsiia i regionalizm [Economic Decentralization and Regionalism], *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the All-Union Geographical Society], 1990, No. 2, pp. 137–142. (In Russ.).

19. Kaganskii V.L. Landshaft. Imperiia. Rossiia [Landscape. Empire. Russia], *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 2013, No. 2 (11), pp. 5–15. (In Russ.).

20. Valentei S.D. Institutsional'nye faktory, prepiatstvuiushchie razvitiuu rossiiskogo federalizma [Institutional Factors Impeding the Development of Russian Federalism], *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economy], 2007, No. 2, pp. 5–18. (In Russ.).

21. Bukhval'd E.M., Valentei S.D., Odintsova A.V. Ekonomicheskie problemy federalizma, regional'noi politiki i mestnogo samoupravleniia [Economic Problems of Federalism, Regional Policy and Local Self-Government], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2020, No. 1, pp. 51–76. (In Russ.).

22. Artobolevskii S.S., Baburin V.L., Baklanov P.Ia., Kasimov N.S., Kolosov V.A., Kotliakov V.M., Liuri D.I., Tishkov A.A. Strategii prostranstvennogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii: geograficheskie resursy i ogranicheniia [Spatial Development Strategies in the Russian Federation: Geographical Resources and Constraints], *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii geograficheskaiia* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2009, No. 3, pp. 8–17. (In Russ.).

23. Zarudnitskii V.B. Sovremennye voennye konflikty v kontekste formirovaniia novoi geopoliticheskoi kartiny mira [Modern Military Conflicts in the Context of the Formation of a New Geopolitical Picture of the World], *Voennaia mysl'* [Military Thought], 2023, No. 11, pp. 6–15. (In Russ.).

24. Karaganov S.A. Razmyshleniia na puti k pobede [Reflections on the Path to Victory], *Rossiiia v global'noi politike* [Russia in Global Politics]. (In Russ.). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/na-puti-k-pobede-karaganov/> (accessed 02 December 2024).

25. Kriukov V.A., Kriukov Ia.V. Neoindustrializatsiia – k “novoi geometrii” ekonomicheskikh prostranstvennykh vzaimodeistvii [Neo-Industrialization – Towards a “New Geometry” of Economic Spatial Interactions], *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economy], 2024, Vol. 20, No. 3, pp. 7–38. (In Russ.).

26. Shuper V.A. Ovladenie prostranstvom dlia preobrazovaniia strany [Mastering Space for Transforming the Country], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2024, No. 8, pp. 5–15. (In Russ.).

27. Riashchenko S.V. Geograficheskie determinanty kachestva zhizni v Sibiri [Geographical Determinants of the Quality of Life in Siberia], *Geografiia i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2008, No. 1, pp. 5–9. (In Russ.).

28. Bezrukov L.A. Obraz ekonomiki Sibiri: vliianie geograficheskikh faktorov i statisticheskikh iskazhenii [The Image of Siberia's Economy: The Influence of Geographical Factors and Statistical Distortions], *EKO* [ECO], 2013, No. 1, pp. 5–22. (In Russ.).

29. Semenov-Tian-Shanskii V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii. Ocherk politicheskoi geografii [On Powerful Territorial Possession in Applicability to Russia. An Essay on Political Geography], *Izvestiia Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Imperial Geographical Society], 1915, Vol. LI, Iss. VIII, pp. 425–457. (In Russ.).

30. Ivanov O.B., Bukhval'd E.M. “Geostrategicheskie territorii” i “tochki rosta” v strategirovanii prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii [“Geostrategic Territories” and “Growth Points” in the Strategizing of Spatial Development of the Russian Federation], *ETAP: ekonomicheskaiia teoriia, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice], 2019, No. 4, pp. 7–23. (In Russ.).

31. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2023: Stat. Collection], *Rosstat* [Rosstat]. Moscow, 2023, 1126 p. (In Russ.).

32. Domnina I.N. “Geostrategicheskaiia territoriiia” kak forma prostranstvennogo regulirovaniia ekonomiki [“Geostrategic Territory” as a Form of Spatial Regulation of the Economy], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2020, No. 6, pp. 126–141. (In Russ.).

33. Druzhinin A.G. Prolongatsiia “moskvotsentrichnosti” rossiiskogo prostranstva: pro et contra [Prolongation of the “Moscow-centricity” of the Russian Space: Pro Et Contra], *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2018, No. 5, pp. 29–42. (In Russ.).

34. Rodoman B.B. Territorial'nye arealy i seti [Territorial Areas and Networks]. Smolensk, Oikumena, 1999, 256 p. (In Russ.).

35. Shuvalov V.E. Raionirovanie v rossiiskoi sotsial'no-ekonomicheskoi geografii: sovremennoe sostoianie i napravleniia razvitiia [Zoning in Russian Socio-Economic Geography: Current State and Directions of Development], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Studies], 2015, No. 3, pp. 19–29. (In Russ.).

36. Knipovich B.N. K metodologii raionirovaniia [On the Methodology of Zoning]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921, 48 p. (In Russ.).

37. Chistobaev A.I., Bazhenov Iu.N. Ot problemy – k tseli: Gorizonty kompleksnykh program [From the Problem to the Goal: Horizons of Complex Programs]. Moscow, Mysl', 1987, 239 p. (In Russ.).

38. Leizerovich E.E. Ekonomicheskie mikroraiony Rossii (setka i tipologiya) [Economic Microdistricts of Russia (Grid and Typology)]. Moscow, 2004, 131 p. (In Russ.).

39. Baburin L.A. Neizvestnye i maloizvestnye stranitsy otechestvennogo raionirovaniyam [Unknown and little-known pages of domestic zoning]. Moscow, LENAND, 2006, 400 p. (In Russ.).

GEOPOLITICAL GUIDELINES OF RUSSIA'S SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY

The formation of a strategy for Russia's spatial development involves a full-scale account of "tectonic shifts" in the modern world order and related geopolitical contradictions and challenges. The purpose of the article is to take stock of the multidimensional manifestations of the consideration of the geopolitical factor in the "Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025", as well as in the "Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030", to highlight the remaining problematic areas in the domestic spatial development strategy, as well as promising directions for its correction, taking into account the dynamics of global changes. In particular, the need to ensure a combination of the currently dominant "centralist" (federal) approaches with greater consideration of regional (municipal) specifics, as well as the ethnogeographic factor, is emphasized. The geopolitical expediency of combining the "shift" to the East and South with ensuring the actual multi-vector spatial development of Russia is shown. The necessity of shifting the emphasis from "geostrategic territories" in favor of multi-scale problem-target zoning, linked to the expansion and consolidation of the network of reference settlements, identified, inter alia, in connection with the ethnogeographic features and geopolitical interests of the country, is substantiated.

Keywords: spatial development, geopolitics, multipolar World order, geostrategic territories, supportive settlement, ethnic structure, demographic processes, zoning, Russia.

JEL: J11, R12, R53, R58

Дата поступления – 07.12.2024 г.

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, директор;
Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем Южного федерального университета / ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006;
ведущий научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт географии Российской академии наук / Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, г. Москва, 119017.
e-mail: alexdru9@mail.ru

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Director;
North Caucasus Institute for Economic and Social Research of Southern
Federal University / 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006;
Leading Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Geography of the
Russian Academy of Sciences / 29, Building 4, Staromonetny Lane, Moscow,
119017.
e-mail: alexdru9@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А.Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 4 (116). С. 5–22.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-4-5-22>